

Франческо ВАРЛАРО – Алексей КОЗЛОВ

ЛАГЕРНАЯ ПРОЗА: О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЕМКОСТИ И СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ

Camp Prose: On the Semantics and Conceptual Framework of the Term

Abstract

The paper analyzes camp prose as a unique literary phenomenon in 20th century Russian literature, shaped under the extreme conditions of Stalinists labor camps and repressions. The study looks into the effects of imprisonment on the linguistic personalities of both professional writers, such as V. Shalamov and A. Solzhenitsyn, and non-writers like E. Ginzburg and E. Kersnovskaya. The writings of these authors provide key points for analyzing the psychological, social, and individual transformations the authors experienced during incarceration. The use of metaphorical language in shaping their works is a major area of study. The authors succeed in delineating the unspeakable horrors of camp life by using metaphors as both stylistic elements and tools for reinterpretation. The study analyzes how these metaphors reflect the broader themes of dehumanization, endurance, and moral resilience. In addition, the analysis illustrates that camp prose goes beyond documentary testimony, becoming a means of linguistic resistance and creative survival. By exploring the lexical choices and narrative structures of these texts, the present study discusses methods in which authors build a new literary language and process in and of expressing trauma and memory. In doing this, it contributes to a deeper understanding of the interaction between personal experience, linguistic expression, and historical representation in Russian literature.

Keywords: *camp prose, ego-document, narrative, focalization, Gulag literature*

Среди многочисленных ответвлений русской прозы второй половины XX века (деревенской, лейтенантской, пионерской и пр.), особое место занимает корпус текстов, отражающих опыт тюремного заключения и повседневной жизни в ГУЛАГе. После кампании, направленной на разоблачение культа личности Сталина, такие тексты, несмотря на разный уровень условности и достоверности, стали восприниматься как свидетельства индивидуальной и коллективной травмы. При этом выбранное название, с одной стороны, должно было напомнить о лагере как общем топосе несвободы, с другой же, камуфлировало многочисленные семьи тюрьмы и ссылки за нейтральным для советского дискурса понятием *лагерь*. Также необходимо учитывать то, что лагерная тема представлена разными литературными жанрами в амплитуде от fiction до non-fiction:

Художественные и документальные отражения неволи – аресты, тюрьмы, лагеря предстали неисчерпаемо разнообразными, открыли в литературе новой и сильный пласт трагических впечатлений, оказавшихся в известном смысле богаче, чем «воля». [ЛАКШИН 1994: 277]

В настоящей статье мы проследим историю вопроса, литературную традицию, нарративную организацию и, наконец, метафорическую структуру художественных и мемуарных текстов, объединенных тематикой лагерной несвободы.

1. История вопроса

Литература XX-го века включает в себе большое количество произведений авторов, которые пережили холокост (П. Леви, Имре Кертес, Робер Антельм, Тадеуш Боровский), а также *лагерный период* в СССР (А. Солженицын, В. Шаламов, Е. Гинзбург, Г. Жженов, Е. Керновская, О. Адамова-Слиозберг, А. Баркова, Н. Гаген-Торн, Т. Петкевич, П. Флоренский и др.). Как отмечает И. Сухих, некоторые из этих произведений обладают общей тематикой и философской направленностью. Другими словами,

<...> новая проза разворачивается как неискусственное автобиографическое повествование, постоянно поднимая ключевые вопросы о природе человека и человеческого бытия. [СУХИХ 1989: 197]

В 1962 году в журнале «Новый мир» появилась первая официальная публикация лагерной тематики – «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына. Сюжет этой повести производит впечатление компромисса: с одной стороны, экзистенциальная бездна, порождаемая лагерной повседневностью, с другой, пафос социалистического строительства, квинтэссенцией которого становится трудовой день зека Шухова. Только финальные слова, связанные с синхронизацией биографического и календарного времени, создают необходимый эффект диссонанса фабулы, сюжета и нарратива.

Само словосочетание *лагерная тема* было впервые использовано В. Шаламовым в предисловии к «Колымским рассказам»:

Новая проза – само событие, бой, а не его описание. То есть – документ, прямое участие автора в событиях жизни. Проза, пережитая как документ.

Эффект присутствия, подлинность только в документе.

Письма – выше надуманной прозы.

Смерть, крах романа, рассказа, повести – смерть романа характеров, описаний. Все выдуманное, все «сочиненное» – люди, характеры – все отвергается. [ШАЛАМОВ 2005: 157]

Таким образом, собственно эстетические задачи «искусства ради искусства», «искусства как приема» [EMERSON 2005, ФИЛИМОНОВА 2023] нивелировались задачами этического порядка, в котором выразилось отношение к лагерной прозе как литературе факта:

Лагерная тема в широком ее толковании, в ее принципиальном понимании – это основной, главный вопрос наших дней. Разве уничтожение человека с помощью государства – не главный вопрос нашего времени, нашей морали, вошедший в психологию каждой семьи? Этот вопрос много важнее темы войны. Война в каком-то смысле тут играет роль психологического камуфляжа (история говорит, что во время войны тиран сближается с народом). За статистикой войны, статистикой всякого рода хотят скрыть «лагерную тему»¹.

Параллельно решался и второй вопрос, связанный с репрезентацией травмы как коллективного опыта, что требовало «языка ста Гомеров», «из бедных <...> подслушанных слов»².

Так называемая лагерная тема – это очень большая тема, где разместится сто таких писателей, как Солженицын, пять таких писателей, как Лев Толстой. И никому не будет тесно. [ШАЛАМОВ 2005: 157]

Эти слова Шаламова, как известно, отказавшегося от роли соавтора «Архипелага ГУЛАГ», имели прогностическое значение, связанное с будущей Нобелевской премией А.И. Солженицына.

Ядро лагерной прозы составляют произведения писателей, которые лично пережили *лагерное событие* (нечастота и террор, сталинская эпоха, ГУЛАГ), например, В.Т. Шаламов, А.И. Солженицын, Е.С. Гинзбург, Ю.О. Домбровский и др. В то же время ее функциональную, околяодерную периферию составляют тексты, созданные авторами – внешними свидетелями эпохи. Например, в романе «Жизнь и судьба» В. Гроссман, создавая широкую историческую панораму, описывает фашистский лагерь, еврейское гетто и советский лагерь. В повести писателя «Все течет» представлена история Ивана Григорьевича,

¹ Сходная мысль отражена в мемуарах А.Д. Сахарова: «В социалистических странах тела и души сотен миллионов людей были до предела зажаты в чудовищных тисках сталинизма. Погасли печи Освенцима, но тысячи людей ежедневно погибали в холодных забоях Колымы, Норильска и Воркуты, на бесчисленных сталинских стройках смерти» [САХАРОВ 1991: 86].

² Описывая смотр войска в Петербурге XIX века, А. Мицкевич обращался к гиперbole, далее продолженной в XX веке Анной Ахматовой: «Дай, Аполлон, уста мне ста Гомеров, / Дай языков парижских трижды сто, / Дай перья всех бухгалтеров – и то / Смогу ли всех исчислить офицеров, / Всю перебрать ефрейторскую рать / И рядовых героев сосчитать?» [МИЦКЕВИЧ 1968: 212]. В поэме Ахматовой «Реквием» коллективная травма передана сходным образом: «Для них соткала я широкий покров / Из бедных, у них же подслушанных слов» [АХМАТОВА 1969: 20].

реабилитированного заключенного, освобожденного после смерти Сталина и вернувшегося вначале в Москву и потом в Ленинград. Сходная тема затронута в рассказе Солженицына «Матрёчин двор». Таким образом, в основе лагерной прозы – реакция на травматический опыт, связанный как с личным, так и коллективным переживанием, которое осложняется нарративными установками и литературной традицией³.

Научное изучение произведений, которые тематически принадлежат к лагерной прозе, началось в последние годы существования СССР, но

<...> единого понятия «лагерная проза» так и не сложилось, поскольку в основном объектом исследований становятся отдельные авторы или произведения, без выхода на направление в целом. [СТАРИКОВА 2015: 169]

2. Литературная традиция

Внимание к теме несвободы и уничтожения человеческой личности средствами государственной системы обозначилось еще в житии протопопа Аввакума. Почитаемый деятель раскола XVII века, как известно, создал достоверную картину политических и религиозных репрессий, жертвой которых он стал. Однако записи Аввакума стали достоянием общественности позже, в то время как политические процессы эпохи Екатерины II (А.Н. Радищев и Ф.В. Кречетов), Николая I (декабристы и петрашевцы) и Александра II (аресты и ссылки 1860-х годов) неоднократно обсуждались и рефлексировались в поэзии, прозе, а чуть позже и в публицистике. Осмысление таких событий свидетельствует о том, что радикализация *лагерной культуры* началась в царской России, когда люди были отправлены в Сибирь:

Девизом старой русской темницы было: «поменьше света во все места заключения» и как калька этого девиза «... Поменьше света из самой тюрьмы». [ГЕРНЕТ 1941–1956: 51]

Основоположниками *каторжной прозы* можно считать декабристов и петрашевцев [ЕГОРОВ 1984], чьи воспоминания публиковались, в частности, в «Русской старине», «Историческом вестнике» и «Русском архиве». В 1856 году император Александр II объявил амнистию декабристам, петрашевцам и участникам польского восстания 1831 года. Большинство политических каторжан и арестантов было амнистировано, тогда вместе с Достоевским в Санкт-Петербург вернулось свыше 20 человек, осужденных ранее. Многие из них, пытаясь осмыслить травмирующий опыт одиночного заключения, гражданской казни и каторги, обращались к мемуарам. Благодаря этим мемуарам появилась документальная точность в описаниях жизни, новые знания о Кавказе и Сибири, арестантских ротах и местных жителях. Ставшие

³ См. корпус лагерной прозы [Луговская и др. 2023].

свидетелями и очевидцами, политические преступники как первые документальные свидетели, попытались исследовать жизнь каторжан и оправдать их в глазах общества [МАЛОВА 2003].

В этом контексте знаковую роль сыграли «Записки из Мертвого дома» – одна из самых важных книг Ф.М. Достоевского в восприятии его современников. Отражая реальный опыт ссылки, цикл осторожных очерков в то же время демонстрировал опыт Александра Петровича Горянчикова, осужденного за тяжкое преступление⁴. В этом цикле очерков, как и во всех следующих каторжных/лагерных произведениях, человек привыкает к самым нечеловеческим условиям, но не перестает стремиться к свободе. Исследователями неоднократно отмечалась корреляция «Записок из Мертвого дома» с «Божественной комедией» Данте Алигьери [ЖИВОЛУПОВА 1983, МАЛОВА 2003], «Последним днем приговоренного к смертной казни» В. Гюго, описанием арестантского быта в романах О. де Бальзака [GERIGK 2013, КОЗЛОВ 2017]. В дальнейшем тему тюрьмы и ссылки продолжат народники и областники: С.В. Максимов («Ссыльные и тюрьмы», «Сибирь и каторга»), Н.М. Ядринцев («Сибирь как колония») и др. Эти произведения дают детальное представление о повседневной жизни заключенных, их быте, взаимоотношениях, а также о системе наказаний и условиях содержания. Авторы не только фиксируют свои личные переживания, но и раскрывают механизмы политических репрессий, делая их доступными широкой общественности. Таким образом, эти тексты становятся важным источником сведений о функционировании пенитенциарной системы Российской империи и о духовном сопротивлении заключенных.

Несмотря на оформленность каторжного дискурса, в конце XIX века прецедентным текстом становится книга очерков А.П. Чехова «Остров Сахалин». По словам Шаламова, книга Чехова показывает, как «оглушающая и растлеваящая мерзость несвободы губит и не может не губить чистое, хорошее, человеческое» [ШАЛАМОВ 2009: 122]. По возвращении из своей поездки Чехов писал о том, что в его творчестве теперь *все просахалинено* – доказательством этому становится его повесть «Палата № 6». Как мы попытаемся показать, этот текст, не связанный непосредственно с острогом и каторгой, заключает в себе ключевые смыслы нарративной лагерной прозы.

После 1905-го года в печати начинают появляться мемуары народников и революционеров, прошедших через царские тюрьмы, ссылку и каторгу. Несмотря на обширность этого корпуса, можно констатировать: именно

⁴ Имя нарратора близко к нарративной маске Пушкина: Ивана Петровича Белкина. В романе «Униженные и оскорбленные» нарратор будет назван Иваном Петровичем Б*. В случае с «Записками из Мертвого дома» изменение фамилии Белкин на Горянчиков усиливает мотив скорби и горя [GERIGK 2013], что, вероятно, связано с «Повестью о Горе и Злосчастии», а также словом *Горемыка*.

тексты Достоевского и Чехова стали прецедентными и легли в основу лагерной прозы XX века⁵. Как пишет об этом Ю.М. Малова,

<...> произведения о лагерях XX в. перекликаются с XIX-м в изображении катоги (лагеря, ссылки, тюрьмы) как «Мертвого дома», земного ада. Эхом отзывается мысль о мироподобии лагеря (катоги, ссылки), слепка «вольной» жизни России. [МАЛОВА 2003]

3. Нarrативная структура

Одним из существенных признаков текстов лагерной прозы является нарративная репрезентация позиции свидетеля трагических событий, их пассивного или активного участника, исследователя. Как писал по этому поводу В.Т. Шаламов, «писатель – не наблюдатель, не зритель, *a участник драмы жизни*, участник не в писательском обличье, не в писательской роли» [ШАЛАМОВ 1998]. Для него важно, чтобы впечатление, полученное от художественной прозы, сочеталось и соответствовало его восприятию реальности.

Таблица 1. Способы нарративной организации лагерной прозы

Семиотический тривид / Нарративная инстанция ⁶	Заключенный Д	Писатель Д/Э	Диагност Э
Семантика (S)	свидетель	участник	исследователь
Синтаксика (O)	доказательство	память	диагноз
Прагматика (P)	опыт	фиксация	результат

Это дает основание рассматривать художественные, мемуарные тексты, очерковые (например, *Очерки преступного мира* В.Т. Шаламова, мемуарные с элементами художественного стиля, например, пьесу по книге Е. Гинзбург «Крутой маршрут») в единстве, поскольку в этих разножанровых произведениях обнаруживаются общие характеристики, а именно:

⁵ Как известно, многие петрашевцы воспроизводили нарративы Достоевского. По-видимому, можно констатировать особую роль прецедентного текста: когда яркие художественные образы, соединившись с реальными впечатлениями, вытеснили или трансформировали их, произошла нейтрализация индивидуального опыта и его адаптация к прецедентному общекультурному тексту.

⁶ Д – диегетический нарратор, Д/Э – диегетически-экзегетический нарратор, Э – экзегетический нарратор. Заметим, что диегезис и экзегезис в настоящем исследовании соответствуют понятиям ассоциированной и диссоциированной наррации. Семантика в таблице соотносится со значением субъекта (S), синтаксика – с объектным значением его действия (O), а прагматика соответствует направленности действия, предикату высказывания (P).

1. Автор настоящих произведений является очевидцем и/или участником описываемых событий.
2. Произведения лагерной прозы относятся к *эго-текстам*, то есть мемуарным и художественным произведениям лагерной прозы, в которых представлено жизнеописание, выполненное для автора некоторого автономного смысла.
3. Лейтмотивы и топосы: лагерь, несвобода, смерть, воскресение, сопротивление.

При этом, независимо от того, как именно исследователи классифицируют такие тексты, в фокусе внимания остаются два нарративно равных события: событие рассказывания и рассказанное событие [WHITE 1990, SCHMID 2009, Тюпа 2023]. Эго-документы представляют собой ценный источник для исследования исторических событий и культурных процессов, особенно в контексте советской эпохи. Данные тексты – свидетельства и воспоминания людей, переживших травмирующий исторический период – открывают их личные переживания, отношения к событиям и внутренний мир. Таким образом, эго-документы включают в себя автобиографии, дневники, письма, воспоминания, а также аудио- и видеозаписи, которые создаются самими авторами, и предоставляют уникальный взгляд на исторические события и культурные реалии той эпохи.

4. Система метафор

Сквозной лингвистический анализ художественных и мемуарных текстов дает возможность увидеть особые черты картины мира авторов *лагерной прозы*. Здесь кажется уместным ввести оппозицию внутреннего и внешнего пространства. Внутреннее пространство острога, барака, тюремной камеры характеризуется замкнутостью. С одной стороны, камерный тип помещения определяет мифopoэтическую коннотацию *ковчега* (как, например, в рассказе Солженицына «Один день Ивана Денисовича»). С другой, более частотный способ презентации такого пространства связан с коннотациями подавления воли личности. Такое пространство определяет фреймы насилия и угнетения, близкие к фреймам «Палаты № 6» А.П. Чехова. Особое внимание в таких текстах сосредоточено на *заклинателях змей*: интеллектуалах, которые пытаются отстоять границы личной независимости в хищном мире *блата*. В большинстве «Колымских рассказов» Шаламова такая стратегия оказывается проигрышной в борьбе за выживание, в то же время в «Одном дне Ивана Денисовича» Солженицына подчеркивается элитарное значение интеллигенции, имеющей возможность отказаться от тяжелого физического труда.

Наследуя традиции «Мертвого дома» Достоевского, многие мемуаристы воспроизводят описание коллективного похода в баню. Вслед за прецедентным текстом подчеркивается инфернальный жар бани, акцентированы обнаженные искаженные тела. В мемуарах XX века в таких описаниях нередко встречаются

коннотации, связанные с сексуализированным насилием как способом подавления воли личности.

Примечательны репрезентации внешнего мира. Многие тексты лагерной прозы: и художественные, и автобиографические отражают особый взгляд на окружающую природу, северную, скудную и суровую, однако символизирующую возрождающуюся жизнь и надежду на свободу. Именно природный мир становится в тексте источником особой метафорики. Зоометафоры, как правило связаны с мотивами охоты и жертвоприношения («Утка» в «Колымских рассказах», труп лошади в воспоминаниях Керсновской), в то время как значение фитометафор усложняется за счет мифopoэтических коннотаций.

В лагерных текстах номинации растений зачастую приобретают новое значение, выражая противостояние человека окружающей среде, трансформацию сознания и поиски утраченной гармонии. Они могут символизировать надежду, утрату, внутреннюю стойкость или же полное отчуждение от мира: растительный мир часто противопоставлен животному и человеческому. В этом контексте показательна семантическая деривация фитонимов *лиственница* и *стланик*. Лиственница – известное дерево-персонаж в лагерной литературе, поскольку она связана не только с местом, где находятся заключенные, но и с художественным и философским осмыслением и интерпретацией окружающего мира.

В мемуарных и художественных текстах:

- реализуется семантика огромного дерева, со сверхтвёрдой древесиной (вырубка лиственниц – самая тяжелая работа заключенных);
 - лес-тайга лиственниц многое скрывает, например, трупы заключенных. Ср.: «И они свежевали, рубили трупы на куски, чтобы свалить их потом в поверхностную круглую яму за бугром, поросшим лиственницами.» [ГИНЗБУРГ 2015: 216];
 - в книге Е. Керсновской, лиственница используется как строительный материал, из нее также можно получить жевательную смолу, продаваемую на рынке как своего рода *еду*, спасающую от голода;
 - лиственница в «Колымских рассказах» В. Шаламова занимает центральное место, превращаясь из простого элемента пейзажа в символ выживания, стойкости и трагической долговечности. Этот единственный лиственный вид, способный расти в жестоких условиях северной тайги, служит отражением судьбы заключенных, которым предстоит бороться с нечеловеческими испытаниями. В произведении лиственница представлена в двух важных контекстах: как молчаливый свидетель страданий, составляющий неотъемлемую часть колымского ландшафта, и как тяжелый, жестокий материал для трудовых мук. Описание ее твердой древесины, искривленных ветвей подчеркивает суровость окружающей среды, одновременно символизируя трагическую стойкость к разрушению. Запах лиственницы неотделимо связан с лагерным бытом и напоминает о неизменности и безжалостности Колымы. Ее долговечность, способность противостоять холоду и времени, становится

метафорой памяти, которая сохраняет следы прошлого, несмотря на его разрушительность. Лиственница становится не просто деревом, а хранителем памяти, символом того, что переживает смерть и утрату, не поддаваясь забвению.

Так, в художественном тексте В. Шаламова трагический лагерный опыт переосмыслен в особой художественной форме, включающей художественные образы, такие, как воплощение общего в единичном (лагерь как место заключения для обычных людей, но для рассказчика лагерь – образ тотальной несвободы, место унижения и уничтожения человека, метафора человеконенавистнического строя, где все определяется решениями «коногонов»), описание трагического опыта при помощи художественного языка, в котором существенная роль принадлежит метафоре, в том числе и символическим фитометафорам (образы *стланника* и *лиственницы* как символы памяти, сопротивления и воли к жизни [ВАРЛАРО 2023].

Если пребывание в остроге и тюрьме репрезентирует сценарий «Палаты № 6», открытое пространство с растущими деревьями близко к иконическому символу – картине Н.А. Ярошенко «Всюду жизнь» (1888).

5. Прагматика высказывания

Исходя из нарративной и метафорической организации анализируемых текстов, попытаемся ответить на вопрос о прагматике письма. Следуя за концепцией Лежёна, можно предположить, что стимул к описанию травмирующего опыта ГУЛАГа определяется терапевтической функцией письма и потребностью в читателе как другом [LEJEUNE 1975].

Учитывая драматизм и документирование этого опыта в свидетельствах и литературных произведениях В. Шаламова, А. Солженицына, П. Флоренского, Е. Керновской, Е. Гинзбург, О. Adamовой-Слиозберг, А. Барковой, Н. Гаген-Торн, Т. Петкевич и Г. Жженова, можно констатировать: все эти авторы, вне зависимости от гендера, социальной и политической идентичности в той или иной степени противостояли и выступали против репрессивной политики советского режима, осуждая несправедливость, бесчеловечность и жестокость репрессивной системы. Многие из них были вовлечены в культурную, научную или интеллектуальную деятельность, которая воспринималась режимом как угроза. Например, П. Флоренский был философом и теологом, Е. Гинзбург была партийным работником и журналистом и В. Шаламов – журналистом, начинающим литератором. Помимо книг и дневников, некоторые из них использовали и другие средства для выражения своего опыта. Например, А. Баркова была поэтессой, а Е. Керновская проиллюстрировала свои мемуары детальными рисунками. Их интеллектуальная деятельность представляла собой моральное и идеологическое противостояние системе, а мемуарные тексты не только описывают жизнь в ГУЛАГе, но и критируют репрессивную природу советского государства, затрагивая такие темы, как

подавление свободы мысли, пропаганду и манипулирование информацией, доносительство и разрушение человеческой личности.

Многие из них стремились не только рассказать о своем личном опыте, но и добиться признания и справедливости для жертв системы. А. Солженицын, например, продолжал критиковать режим даже после изгнания из Советского Союза. Произведения лагерной прозы оказали значительное влияние на мировую литературу, предложив уникальный взгляд на жизнь в рамках репрессивного режима и способствовав развитию жанра лагерной литературы. В целом, этих авторов объединяет не только опыт заключения в ГУЛАГе, но и глубокая оппозиция советскому режиму, критика репрессивного режима, значительная стойкость, стремление к правде и справедливости, существенный вклад в литературу и разнообразие средств выражения.

Помимо общих мировоззренческих характеристик, свидетелей и участников лагерной жизни объединяет этическая позиция, которая заключается в сопротивлении государственному и политическому злу. Ядро лагерной прозы составляют тексты (художественные и мемуарные), написанные представителями интеллигенции, образованными людьми, воспитанными на образцах мировой и русской культуры и литературы. Материал исследования позволяет выявить общие стилистические приемы, образные средства языка, которые позволяют авторам и читателям преодолеть коллективную или индивидуальную травму.

С точки зрения Ж. Гюсдорфа, ключевой мотивацией к созданию эгодокументов и фиксаций травматического опыта становится эсхатологическое переживание бытия, осознание неотвратимости его финала [GUSDORF 1975]. Вступая в спор с Лежёном и опровергая его конвенции письма⁷, Гюсдорф углубил концепцию своего оппонента. Если ее применимость ко всем эготекстам дискуссионна, в интерпретации лагерной прозы она кажется наиболее подходящей. В свою очередь это заставляет вспомнить Нобелевскую лекцию Иосифа Бродского, ответившего на знаменитый вопрос Адорно, собирательной характеристикой своего поколения:

<...> поколение, родившееся именно тогда, когда крематории Аушвица работали на полную мощность, когда Сталин пребывал в зените бого-подобной, абсолютной, самой природой, казалось, санкционированной власти, явилось в мир, судя по всему, чтобы продолжить то, что теоретически должно было прерваться в этих крематориях и в безымянных общих могилах сталинского архипелага. Тот факт, что не все прервалось, – по крайней мере в России, – есть в немалой мере заслуга моего поколения. [БРОДСКИЙ 2000: 200]

⁷ Сущность спора о pragmatique автобиографического письма и его телологии отражена в многочисленных работах второй половины XX века [PASCAL 1960, BROUGHTON 2007, WAGNER-EGELHAAF 2013, OTT-WEISER, 2013, WALTHER-JOCHUM 2016].

6. Выводы

Лагерная проза является сложным литературным явлением, формирующимся на стыке художественного и документального повествования. Анализ текстов, созданных бывшими узниками ГУЛАГа, показывает, что одним из ключевых факторов лагерной прозы является авторская позиция свидетеля и участника событий. В таких произведениях личный опыт трансформируется в художественную рефлексию, что позволяет автору не только зафиксировать лагерную реальность, но и осмыслить ее в широком историческом и философском контексте.

Лагерная проза XX века продолжает традиции катаржной и осторожной литературы XIX века, заимствуя образы, мотивы и нарративные структуры как мемуарных, так и художественных произведений петрашевцев, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, народников и революционеров. Это направление сохраняет важное место в русской литературе, так как не только документирует трагические страницы истории, но и поднимает вопросы человеческого достоинства, свободы и морального выбора в условиях несвободы.

Исследование выявило несколько важных черт лагерной прозы: автобиографичность, документальность, тяготение к минимализму и предельной точности в передаче деталей, а также активное использование художественных метафор, способствующих эстетическому переосмыслению и переживанию травмы. Одна нарративная стратегия заключается в доведении страдания до нравственного и эстетического предела, фреймы и сценарии такого сюжета определяются «Палатой № 6» А.П. Чехова и дистопиями XX века. Другая – противоположная – строится на описательной репрезентации внешнего мира, в котором на фоне людских страданий природный растительный мир заключает в себе потенции к возрождению. Маркером такой потенции становятся «вечные деревья»: лиственница и стланик.

Таким образом, лагерная проза не является однородным жанром, а представляет собой междисциплинарный феномен, в котором литература, история и философия соединяются для осмысливания одной из самых трагических эпох в истории России и стран Советского союза. Эти нарративы и рефлексии, отраженные в художественной форме, служат предостережением для будущих поколений и представляют собой важный вклад в понимание истории XX века.

Литература

- BROUGHTON, T. L. 2007: *Autobiography. Critical concepts in literary and cultural studies.* Vol. 1. London and New York: Routledge.
- EMERSON, C. 2005: Shklovsky's *ostranenie*, Bakhtin's *vnenakhodimost'* (How distance serves an aesthetics of arousal differently from an aesthetics based on pain) // *Poetics Today* 26 /4: 637–664.
- GERIGK, H.-J. 2013: Dostojewskijs Entwicklung als Schriftsteller. Vom „Toten Haus“ zu den „Brüdern Karamasow“ [Dostoyevsky's development as a writer. From “The house of the dead” to “The brothers Karamazov.”]. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag.

- GUSDORF, G. 1975: De l'autobiographie initiatique à l'autobiographie genre littéraire [From initiatory autobiography to autobiography as a literary genre] // Revue d'histoire littéraire de la France 75/6: 957–994.
- LEJEUNE, PH. 1975: Le pacte autobiographique [The autobiographical pact]. Paris: Éd. du Seuil.
- OTT, J.; WEISER, J. (hrsg.). 2013: Autofiktion und Medienrealität. Kulturelle Formungen des postmodernen Subjekts [Autofiction and media reality. Cultural formations of the postmodern subject]. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- PASCAL, R. 1960: Design and truth in autobiography. London and New York: Routledge.
- SCHMID, W; HÜHN, P; MEISTER, J. C.; PIER, J. (eds.) 2009: Handbook of narratology. Berlin: De Gruyter.
- WAGNER-EGELHAAF, M. (hrsg.) 2013: Auto(r)fiktion: Literarische Verfahren der Selbstkonstruktion [Auto(r)fiction: Literary methods of self-construction]. Bielefeld: Aisthesis Verlag.
- WALTHER-JOCHUM, R. 2016: Autobiographietheorie in der Postmoderne: Subjektivität in Texten von Johann Wolfgang von Goethe, Thomas Bernhard, Joseph Winkler, Thomas Glavinic und Paul Auster [Autobiography theory in postmodernism: Subjectivity in texts by Johann Wolfgang von Goethe, Thomas Bernhard, Joseph Winkler, Thomas Glavinic and Paul Auster]. Bielefeld: Transcript.
- WHITE, H. 1990: The content of the form: Narrative, discourse and historical representation. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press.
- АХМАТОВА, А.А. [AHMATOVA, A.A.] 1969: Реквием. Мюнхен: Товарищество Зарубежных Писателей [Requiem. Munich: Tovarišestvo Zarubežnyh Pisatelej].
- БРОДСКИЙ, И.А. [BRODSKII, I.A.] 2000: Нобелевская лекция // О ничтожестве литературы русской. Сост. С. Гайер. Санкт-Петербург: Алетейя [Nobel lecture // On the insignificance of Russian literature. Compiled by S. Gajer. St. Petersburg: Aletejā] 193–212.
- ВАРЛАРО, Ф. [VARLARO, F.] 2023: Фитометафора в лексической структуре текстов лагерной прозы. Дис. канд. филол. наук. Новосибирск [Phytometaphor in the lexical structure of camp prose texts. PhD dissertation in Philological sciences. Novosibirsk].
- ГЕРНЕТ, М.Н. [GERNET, M.N.] 1941–1956: История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1–5. Москва: Юридическое изд-во НКЮ СССР [The history of the tsarist prison: in 5 vols. Vols. 1–5. Moscow: NKYu SSSR].
- ГИНЗБУРГ, Е.С. [GINZBURG, E.S.] 2015: Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. Москва: ACT [Journey into the whirlwind. Chronicle of the times of the personality cult. Moscow: AST].
- ЕГОРОВ, Б.Ф. (сост.) [EGOROV, B.F. (sost.)] 1984: Первые русские социалисты. Ленинград: Лениздат [The first Russian socialists. Leningrad: Lenizdat].
- ЖИВОЛУПОВА, Н.В. [ŽIVOLUPOVA, N.V.] 1983: Исповедальное повествование и проблема авторской позиции // Тамарченко, Н.Д. и др. (ред.), Типологические категории в анализе литературного произведения как целого. Сборник научных трудов. Кемерово: Изд-во Кемеровского университета [Confessional narrative and the issue of the author's position // Tamarčenko, N.D. et al. (eds.), Typological categories in the analysis of a literary work as a whole. Collection of scientific papers. Kemerovo: Kemerovo State University] 113–119.
- КОЗЛОВ, А.Е. [KOZLOV, A.E.] 2017: Социалист, писатель, врач: семиотика поведения и нарративные инстанции в мемуарах Д.Д. Ахшарумова // Критика и семиотика [Socialist, writer, doctor as narrative instances in Dmitry Akhsharumov's memoirs // Kritika i semiotika] 1: 250–262.

- ЛАКШИН, В.Я. [LAKŠIN, V.Â] 1994: Не уставал вспоминать // Есипов, Б.В. (сост.), Шаламовский сборник 1. Вологда: Полиграфист [He never tired of remembering // Esipov, V.V. (comp.), Shalamov collection 1. Vologda: Poligrafist] 174–176.
- ЛУГОВСКАЯ, Д.А. и др. [LUGOVSKAÂ, D.A. и др.] 2023: Бытование литературных текстов в ГУЛАГе // Луговская, Д.А., Успенский, П.Ф., Вдовин, А.В., Гремякина, М.С., Гришечкина, Е.А., Дрёмов, М.С., Олещук, А.В., Агеева, А.А., Дынина, А.Д., Короткова, Д.М., Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору [The circulation of literary texts in the Gulag // Lugovskâ, D.A., Uspenskij, P.F., Vdovin, A.V., Gremâkina, M.S., Grišečkina, E.A., Drëmov, M.S., Olešuk, A.V., Ageeva, A.A., Dynina, A.D., Korotkova, D.M., Repository of open data on Russian literature and folklore]. <https://doi.org/10.31860/openlit-2022.11-B007>. (Дата обращения: 24.02.2025).
- МАЛОВА, Ю.В. [MALOVA, Û.V.] 2003: Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX–XX вв. Дис. канд. фил. наук. Саранск [The genesis and development of “camp prose” in 19th–20th century Russian literature: PhD dissertation in Philological sciences. Saransk].
- МИЦКЕВИЧ, А. [MICKEVICH, A.] 1968: Дзяды. Часть III. Пер. Вл. Левика // Мицкевич, А., Избранные сочинения. Москва: Художественная литература [Dziady. Part III. Transl. by Vl. Levik // Mickevič, A., Selected works. Moscow: Khudohestvennaya literatura].
- САБЛИН, В.М. (изд.) [SABLIN, V.M. (izd.)] 1907: Политические процессы николаевской эпохи. Петрашевцы. Москва: Изд. В.М. Саблина [Political trials of the Nicholas era. The Petrashevsky Circle. Moscow: V.M. Sablin].
- САХАРОВ, А.Д. [SAHAROV, A.D.] 1991: О стране и мире // Сахаров, А.Д., Тревога и надежда (сост. Боннер, Э.). Москва: Интер-Версо [My country and the world // Sakharov, A.D., Anxiety and hope (comp. by Bonner, E.). Moscow: Inter-Verso].
- СОЛЖЕНИЦЫН, А.И. [SOLŽENICYN, A.I.] 1993: Один день Ивана Денисовича. Рассказ. Ставрополь: Сенгилей [One day in the life of Ivan Denisovič. A short story. Stavropol: Sengilej].
- СТАРИКОВА, Л.С. [STARIKOVA, L.S.] 2015: «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета [The “camp prose” in the context of the Russian literature of the 20th century: concept, framework, specificity // Bulletin of Kemerovo State University] 4/2 (62): 169–174.
- СУХИХ, И. [SUHIN, I.] 1989: Эта тема пришла // Звезда [This theme emerged // Zvezda] 3: 193–200.
- ТЮПА, В.И. (ред.) [TÜPA, V.I. (red.)] 2022: Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы). Коллективная монография. Москва: Эдитус [Thesaurus of historical narratology (based on Russian literature). Collective monograph. Moscow: Èditus].
- ФИЛИМОНОВА, К. [FILIMOVOVA, K.] 2023: Эволюция эстетических взглядов Варлама Шаламова и русский литературный процесс 1950–1970-х годов. Москва: Новое литературное обозрение [The evolution of Varlam Shalamov’s aesthetic views and the Russian literary process of the 1950s–1970s. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie].
- ШАЛАМОВ, В.Т. [ŠALAMOV, V.T.] 1998: Собрание сочинений в 4 т. Москва: Художественная литература – Вагриус [Collected works in 4 vols. Moscow: Hudožestvennaâ literatura – Vagrius].

- ШАЛАМОВ, В.Т. [ŠALAMOV, V. T.] 2005: Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. Москва: ТЕРРА-Кн. клуб [Collected works: in 6 vols. Vol. 5: Essays and notes; Notebooks 1954–1979. Moscow: TERRA-Kn. Klub].
ШАЛАМОВ, В.Т. [ŠALAMOV, V. T.] 2009: Колымские рассказы. Москва: Эксмо [Kolyma tales. Moscow: Èksmo].

Франческо ВАРЛАРО
независимый исследователь
Италия
f.varlaro1992@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1972-3914>

Алексей КОЗЛОВ
Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия
alexey-kozlof@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

